

ПУШКИНСКІЙ СЕМИНАРІЙ
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

Подъ руководствомъ С. А. Венгерова.

Выпускъ II.

А. Л. Бель.

КЪ ВОПРОСУ
О ВЛІЯНІИ ШАТОБРИАНА
НА
ПУШКИНА.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1911.

ПУШКИНСКІЙ СЕМИНАРІЙ
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

Подъ руководствомъ С. А. Венгерова.

Выпускъ II.

А. Л. Белъ.

КЪ ВОПРОСУ
О ВЛІЯНІИ ШАТОБРИАНА
НА
ПУШКИНА.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1911 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на Пушкина.

Литература объ отношеніи Пушкина къ иностраннымъ поэтамъ чрезвычайно богата. Она пестритъ именами какъ корифеевъ, такъ и менѣе значительныхъ писателей: наряду съ именами Вольтера, Руссо, Байрона, Гёте, Шекспира, вы встрѣтите имена Бенъяна, Стерна, Соути, Кольриджа, Вордсворта, Мура, Брайана, Воллера, Вильсона, Бульвера и многихъ другихъ. Все это говоритъ о чрезвычайной отзывчивости Пушкина ко всѣмъ литературнымъ направленіямъ Запада. Списокъ этихъ именъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, и не видно конца все новымъ и новымъ сближеніямъ. Сравнительно недавно въ ряду писателей, оказавшихъ свою долю вліянія на Пушкина, стали отводить видное мѣсто Шатобріану. Заслуга постановки, хотя вѣрнѣе было бы сказать, попытки дать научное разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ В. В. Сиповскому. Самый же вопросъ, кажется, впервые поставленъ еще Погодинымъ въ 1827 г. въ предисловіи къ переводу „Ренэ“ Шатобріана¹⁾. Говоря о Шатобріанѣ, онъ обращаетъ вниманіе читателей на характеръ Ренэ: „Сей характеръ изображается многими великими писателями (каждымъ по своему)“, гово-

1) „Моск. Вѣстникъ“, т. V, стр. 10.

рить онъ, „и напрасно думаютъ нѣкоторые находить у нихъ изображеніе другъ друга. Не говоря о Руссо, разительно представившемъ сей характеръ въ природѣ, укажу, кромѣ Шатобріана, на соч. Гёте (Фаустъ, Вильг. Мейстеръ), Байрона (почти во всѣхъ своихъ поэмахъ) и Пушкина (Кавказскій Плѣнникъ, Алеко)“. Такимъ образомъ, уже Погодинъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу самостоятельности Пушкина, но безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Затронулъ интересующій насъ вопросъ и проф. Н. И. Стороженко (въ 1880 г.) въ своей рѣчи въ честь Пушкина, гдѣ онъ, говоря о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, замѣчаетъ: „Неизвѣстно, сколько въ этомъ типѣ лично пережитаго и сколько нужно отнести на счетъ литературныхъ источниковъ Пушкина — темъ Байрона, Ренэ Шатобріана“¹⁾. Если такой опытный изслѣдователь, какъ проф. Стороженко, обходитъ этотъ вопросъ съ ученой осторожностью, то это даетъ основаніе предполагать, что вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, для рѣшенія которыхъ мы не обладаемъ достаточными данными. Несмотря на это, В. В. Чуйко въ предисловіи къ переводу Ренэ (Н. П. Чуйко) Шатобріана въ 1894 г. высказывается довольно опредѣленно: „Вліяніе Шатобріана на Пушкина не было непосредственно; признавая заслуги и значеніе Шатобріана, онъ, тѣмъ не менѣе, въ значительно большей степени находился подъ вліяніемъ Байрона. Но если внимательно анализировать его раннія произведенія: „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и въ особенности „Цыгане“, — то нельзя будетъ не замѣтить и вліянія Шатобріана: герой „Цыганъ“ это — тотъ-же Ренэ, перенесенный въ другую обстановку и въ другую среду“²⁾.

1) Сборн. „Вѣнокъ“, стр. 221.

2) Переводъ „Ренэ“, изд. „Моск. бібліотеки“, № 94, стр. XI, предисловіе.

Этого внимательнаго анализа В. В. Чуйко не дѣлаетъ, чего и нельзя требовать въ предисловіи къ популярному переводу, но можно бы пожелать не дѣлать въ такомъ случаѣ столь категорическаго вывода.

Первымъ съ научной стороны подошелъ къ этому вопросу В. В. Сиповскій въ своей работѣ: „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“, появившейся въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., № 5–6 (и отдѣльнымъ оттискомъ) и вошедшей въ его книгу „Пушкинъ. Жизнь и Творчество“ (С.-Пб. 1907). Анализируя характеры героевъ „Кавказскаго Плѣнника“ и „Цыганъ“, авторъ находитъ рядъ совпадений съ произведеніями Шатобриана: „Ренэ“, „Атала“ и отмѣчаетъ параллельное развитіе интриги въ повѣсти „Атала“ и въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“. Оставляя пока въ сторонѣ наши расхожденія съ авторомъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать общее замѣчаніе, касающееся этой работы въ цѣломъ.

Намъ кажется, что авторъ, благодаря тому, что выдвигаетъ вліяніе Шатобриана *въ противовѣсъ* вліянію Байрона, значеніе котораго онъ старается уменьшить, дѣлаетъ рядъ методологическихъ ошибокъ. Этого, вѣроятно, не было-бы, если-бы авторъ задался цѣлью установить вліяніе Шатобриана независимо отъ того или иного рѣшенія вопроса о вліяніи Байрона. Оставляя пока наше утвержденіе голословнымъ, мы надѣемся, что намъ удастся его подтвердить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Послѣ работы В. В. Сиповскаго имя Шатобриана вошло въ перечень авторовъ, имѣвшихъ вліяніе на Пушкина, и даже проникло въ учебники.

Въ ученой литературѣ отозвались на затронутый вопросъ такіе крупныя изслѣдователи, какъ Н. П. Дашкевичъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. А. Котляревскій.

Н. П. Дашкевичъ въ своей цѣнной работѣ „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени“ ставитъ Пушкина въ историческія рамки, отводя Ренэ Шато-

бріана скромное мѣсто въ ряду другихъ героевъ „міровой скорби“, какъ Вертеръ, Адольфъ, Чайльдъ-Гарольдъ и др. герои Байрона. Большую долю вліянія авторъ приписываетъ Руссо, какъ родоначальнику всѣхъ послѣдующихъ скорбниковъ. Особенно цѣнно въ этой работѣ то, что Н. П. Дашкевичъ не упускаетъ изъ виду почву, на которой могла совершенно самостоятельно развиться скорбь, подобная скорби Ренэ, и указываетъ на то, что сходство историческаго и соціальнаго момента могло обусловить совпаденіе литературныхъ отраженій послѣдняго. Н. П. Дашкевичъ говоритъ, что „герои разочарованія, изображенные въ поэмахъ Пушкина, — лишь отчасти литературные потомки Руссо и Гётевскаго Вертера, Шатобріанова Ренэ и другихъ романтическихъ личностей Запада. Въ большей степени они — носители душевныхъ страданій и думъ нашего поэта и его сверстниковъ“¹⁾.

Алексѣй Н. Веселовскій, считая меланхолію, которую проникнуть рядъ лирическихъ стихотвореній Пушкина, искреннимъ выраженіемъ неудовлетворенныхъ юношескихъ стремленій, находитъ, что знакомство съ Шатобріаномъ помогло выйти Пушкину изъ круга личныхъ невзгодъ и неудовлетворенныхъ стремленій на просторъ общечеловѣческихъ сочувствій, научило его отгадать разлитыя во всемъ мірѣ страданія. Заслуга В. В. Сиповскаго заключается въ томъ, что онъ установилъ „тотъ фактъ, что до байронизма у Пушкина была подготовительная, переходная стадія, что, потрясенный несправедливостью расправы, негодующій опальный, съ разбитыми надеждами и погубленной молодостью, нашелъ отзвукъ своихъ чувствъ и мыслей въ поэтическомъ возвеличеніи разрыва съ обществомъ, бѣгства въ природу, къ наро-

1) „Памяти Пушкина“, научно-литературный сборникъ, составленный профессорами Имп. Университета св. Владимира, стр. 165.

дамъ первобытнымъ и свободнымъ, признаній даровитаго, но лишняго человѣка“¹⁾).

Н. А. Котляревскій, касаясь вопроса о вліяніи Байрона на поэзію Пушкина, попутно затрагиваетъ и „шато-бриановскій“ вопросъ. Увлеченіе Пушкина Парни, Байрономъ, Руссо и Шатобрианомъ безспорно, но, по мнѣнію Н. А. Котляревскаго, приходится „отказаться отъ мысли опредѣлить точно степень ихъ вліянія на него“. О вліяніи одного писателя на творчество другого можетъ быть рѣчь только при „длительной зависимости“ художественной формы и поэтическаго міросозерцанія отъ образца. Такой зависимости у Пушкина не было; единственное, что не подлежитъ сомнѣнію въ этомъ вопросѣ, — это утвержденіе, „что поэзія Байрона и Шатобриана дали Пушкину, какъ художнику, почувствовать, какой богатѣйшій родникъ красоты заключенъ въ этой романтической тревогѣ души человѣческой“²⁾).

Въ такомъ положеніи находится интересующій насъ вопросъ въ исторіи литературы въ настоящее время.

Выяснена-ли въ достаточной мѣрѣ степень вліянія Шатобриана на творчество Пушкина? Доказана-ли вообще состоятельность такого предположенія? Вдумываясь въ эти вопросы, мы приходимъ къ убѣжденію, что ни работа В. В. Сиповскаго, ни работа Н. П. Дашкевича не даютъ исчерпывающаго рѣшенія вопроса.

Стараясь дать себѣ посильные отвѣты на возникшія недоумѣнія, мы натолкнулись на общій вопросъ методологическаго характера, безъ того или иного разрѣшенія котораго намъ представляется невысказаннымъ разрѣшеніе послѣднихъ. Вопросъ этотъ заключается въ томъ, ка-

1) Алексѣй Н. Веселовскій. „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“. Сборн. „Памяти Пушкина“, изд. ред. журнала „Жизнь“, стр. 113—114.

2) Н. Котляревскій. „Литературныя направленія Александровской эпохи“, стр. 108—109.

кимъ вообще путемъ слѣдуетъ итти изслѣдователю при опредѣленіи вліянія (въ широкомъ смыслѣ) одного писателя на другого. Это вопросъ чрезвычайно существенный въ исторіи литературы, въ частности, — особенно важный для исторіи русской литературы, гдѣ съ нимъ приходится сталкиваться буквально на каждомъ шагу.

Посильное разрѣшеніе этого вопроса составитъ нашу ближайшую задачу.

Положимъ, у насъ при чтеніи того или иного писателя возникаетъ чувство сходства, даже больше, — чувство совпаденія съ другимъ знакомымъ авторомъ. Невольно возникаетъ догадка о возможности не случайнаго совпаденія въ творествѣ, а подъ вліяніемъ непосредственнаго или посредственнаго знакомства съ творчествомъ послѣдняго. Но возможно, что несостоятельность нашей догадки сразу обнаружится путемъ противорѣчія дѣйствительности; я имѣю въ виду такіе случаи, какъ фактическая невозможность знакомства съ твореніями писателя, будь то по незнанію языка и отсутствію переводовъ или подъ вліяніемъ другихъ причинъ (такъ, напр., доказавъ, что Пушкинъ изучилъ англійскій языкъ только въ Гурзуфѣ, а до этого онъ не могъ имѣть въ рукахъ французскаго перевода, мы принуждены отбросить возможность непосредственнаго вліянія Байрона на Пушкина до этого времени). Другими словами, этотъ путь есть не что иное, какъ переходъ отъ догадки къ установленію реальной гипотезы путемъ доказательства непротиворѣчія первой съ дѣйствительностью.

Доказавъ возможность постановки самаго вопроса о вліяніи, мы переходимъ къ самой трудной задачѣ, — къ оправданію нашей гипотезы. Путь, которымъ здѣсь можно итти, намъ представляется двоякимъ: 1) путь *аналитическій*, 2) путь *генетическій*.

Первый — заключается въ слѣдующемъ: установивъ

предварительно гипотезу, напр., о вліяніи „Orlando Fu-
gioso“ на сюжетъ и характеръ творчества въ „Русланъ и
Людмилъ“, мы путемъ тщательнаго анализа какъ общаго
характера всего произведенія, такъ и сопоставленіемъ
отдѣльныхъ мѣстъ можемъ доказать наше предположе-
ніе. Но этотъ путь представляетъ тѣ неудобства, что на
немъ легко упустить историческую и социальную почву,
на которой развивалась дѣятельность писателя, которая
могла самостоятельно обусловить многія черты въ твор-
чествѣ, независимо отъ того или иного вліянія. Другая
ошибка можетъ произойти отъ того, что, взявъ писателя,
вліяніе котораго мы предполагаемъ, внѣ той литературной
эволюціи, которая обусловила частью его литературную
физіономію, мы можемъ приписать его вліянію то, что не
составляетъ его индивидуальной особенности и могло
возникнуть подъ вліяніемъ либо цѣлой литературной
школы, либо его предшественниковъ.

Второй путь — путь генетическій — состоитъ въ томъ,
что мы слѣдимъ за развитіемъ той черты въ творчествѣ
писателя, оказавшаго свое вліяніе на интересующаго
насъ автора, которая, по нашей гипотезѣ, отразилась на
творчествѣ послѣдняго. Такимъ образомъ, наша задача
будетъ заключаться въ томъ, чтобы опредѣлить причины
соціальныя, политическія и индивидуальныя, принимая
во вниманіе и вліяніе тѣхъ или иныхъ литературныхъ
формъ, подъ вліяніемъ которыхъ создавался характеръ
творчества писателя. Ту-же работу приходится продѣ-
лать и по отношенію къ изучаемому нами писателю, со-
средоточивая свое вниманіе на интересующемъ насъ мо-
ментѣ и характерѣ творчества. Въ итогѣ первой части на-
шей работы долженъ получиться остатокъ, который мы бу-
демъ имѣть право отнести исключительно на долю инди-
видуальной особенности писателя, оказавшаго по нашей
гипотезѣ вліяніе. Вѣдь, дѣйствительно, опредѣливъ мѣсто

писателя въ ряду его соотечественниковъ, приведя его въ связь съ извѣстной литературной школой и опредѣливъ его мѣсто въ послѣдней, мы тѣмъ самымъ выдѣляемъ характерныя черты въ его творчествѣ, опредѣляемъ его индивидуальную фѣзіономію. Въ итогѣ второй части, при изученіи объекта изслѣдованія, передъ нами будетъ постепенно развиваться его творчество,—въ частности интересующая насъ особенность, мы увидимъ, что придется отнести на долю органическаго развитія подъ вліяніемъ соціальныхъ и политическихъ условій, что явилось результатомъ личныхъ переживаній.

Это дастъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ: не могло-ли творчество подъ вліяніемъ однихъ этихъ условій принять такой характеръ, который, быть можетъ, только по совпаденію этихъ условій съ условіями развитія перваго совпалъ по своимъ результатамъ; и не могутъ ли различія въ творчествѣ быть объяснены различіемъ индивидуальныхъ особенностей. Эта-же работа даетъ намъ возможность опредѣлить яснѣе и степень вліянія и его характеръ, если первое предположеніе окажется несостоятельнымъ. Такимъ образомъ ошибки, возникающія при слѣдованіи по пути аналитическому, не имѣютъ мѣста при пути генетическомъ.

В. В. Сиповскій идетъ въ своей работѣ путемъ аналитическимъ, и этимъ, думается намъ, обусловленъ рядъ произвольныхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. В. В. Сиповскій, исходя изъ того, что Пушкинъ прекрасно зналъ Шатобріана, какъ вообще онъ отлично зналъ французскую литературу своего времени и указывая на возможность вліянія эмигрантовъ-аристократовъ, которые могли занести элементы разочарованія въ шатобріановскомъ духѣ, приходитъ къ предположенію, что: „Шатобріанъ подсказывалъ Пушкину „разочарованіе“ и „тоску“ въ тѣхъ раннихъ произведеніяхъ, которыя на-

писаны до знакомства нашего поэта съ Байрономъ“¹⁾. Нѣсколько строкъ выше онъ говоритъ: „Если на первыхъ порахъ Пушкина увлекала легкая, игривая поэзія Парни и К^о, поэтовъ безмятежнаго наслажденія, — то стоило измѣниться обстоятельствамъ въ жизни Пушкина, чтобы въ сердцѣ его отозвались мотивы другой французской музыки — мотивы „разочарованія“, „мировой скорби“²⁾.

Но спрашивается, почему-же эта другая „французская музыка“ должна непременно исходить отъ Шатобриана? Вѣдь это надо доказать. Существуетъ рядъ не менѣе правдоподобныхъ мнѣній: Н. П. Дашкевичъ склоненъ эти элементы объяснять вліяніемъ Вольтера и Руссо, Спасовичъ приписываетъ ихъ Вольтеру. А можетъ быть здѣсь не надо искать никакого вліянія, а эти элементы юношеской грусти, еще далекой отъ мировой скорби, мотивы которой здѣсь видитъ В. В. Сиповскій, объяснимы личными переживаниями? Весьма основательно Алексѣй Н. Веселовскій видитъ отправную точку этой тоски „въ тѣхъ налетахъ грусти, которые внезапно омрачаютъ еще въ лицейскіе годы поэзію, съ виду посвященную лишь культу наслажденія и веселости, тѣ скорбные обзоры увядшей юности (совсѣмъ въ духѣ Ленскаго, безъ малаго въ 16 лѣтъ), ожиданія смерти, надежды „умереть моля“, меланхолическіе образы „пѣвца любви, пѣвца своей печали“, которые сбережены „Посланиемъ къ Горчакову“, стихотвореніемъ „Желаніе“, „Пѣвецъ“, двумя элегіями 1816 года и т. д. Они, должно быть, искреннѣе и душевнѣе передаютъ настроеніе молодого стихотворца, чѣмъ чисто головное, разсудочное эпикурейство, въ дѣйствительности обставленное довольно „будничной рамкой“:

1) В. В. Сиповскій. „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, стр. 512—513.

2) *Ib.*, стр. 512.

„этого раздумья, этой тоски, на дѣлѣ выстраданной, нельзя было вычитать ни у кого: никто не могъ „подсказать“ ее Пушкину, какъ полагаютъ два новѣйшихъ его комментатора, ища этихъ вдохновеній то въ Вольтерѣ, то въ Шатобрианѣ“¹⁾. Итакъ, мнѣніе В. В. Сиповскаго о вліяніи Шатобріана въ періодъ до 1820 г. представляется, по меньшей мѣрѣ, недоказаннымъ.

Далѣе, перейдя къ поэмамъ Пушкина, В. В. Сиповскій дѣлаетъ такую оговорку: „Если мы отбросимъ совершенно чуждую Пушкину тенденціозно-религіозную окраску, присущую произведеніямъ Шатобріана, мы увидимъ полное тожество въ типическихъ чертахъ героевъ обоихъ писателей и даже большую близость въ ходѣ самой интриги“²⁾. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о тожествѣ героевъ и спросимъ себя: какъ намъ быть, если „тенденціозно-религіозная окраска“ окажется *самой характерной чертой въ творчествѣ Шатобріана*, а всѣ прочіе элементы имѣлись на лицо уже и до него. Вѣдь нельзя же забывать, что герои Шатобріана — потомки „С.-Пре“ Руссо, „Вертера“ Гёте и другихъ скорбниковъ.

Вѣдь Пушкинъ всѣ эти элементы могъ заимствовать изъ первоисточника. Н. П. Дашкевичъ, слѣдя за эволюціей міровой скорби, приходитъ къ выводу, что „Шатобрианъ отчасти возобновилъ во Франціи начинанія Руссо и Бернарден де Сенъ-Пьера, *прибавивъ отъ себя порывы лояльности и христіанскаго чувства*“³⁾. Итакъ, какъ разъ самой характерной черты Шатобріана нѣтъ въ творчествѣ Пушкина; это должно было-бы заставить В. В. Си-

1) Алексѣй Веселовскій. „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“. Сборникъ ред. „Жизнь“, стр. 113.

2) В. Сиповскій. „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, стр. 514. Въ другомъ мѣстѣ г. Сиповскій выражается еще болѣе категорически: „Герой поэмы „Кавкаскій Плѣнникъ“—полное повтореніе Рене“, *ib.*, стр. 166—167.

3) Н. Дашкевичъ. „Пушкинъ въ ряду поэтовъ новаго времени“. Сборн. Кіевскаго Унив. „Памяти Пушкина“, стр. 229.

повскаго обратить большее вниманіе на различіе въ характерѣ творчества обоихъ писателей.

Что-же касается „тожества въ типическихъ чертахъ героев“ Пушкина и Шатобріана, то доводы г. Сиповскаго намъ кажутся мало убѣдительными. Авторъ говоритъ, что герой „Кавказскаго Плѣнника“ очень близокъ къ Ренэ и по характеру, и по его судьбѣ. . . Онъ, какъ и Ренэ, покидаетъ цивилизованный міръ и, гоняся за какимъ-то „призракомъ свободы“, является на Кавказѣ — единственное мѣсто въ Россіи гдѣ можно было встрѣтить романтическую обстановку“¹⁾. Вѣдь бѣгство на лоно природы отъ язвъ цивилизаціи становится общимъ мѣстомъ въ литературѣ со времени Руссо и скорѣе могло возникнуть подъ влияніемъ его мощныхъ филиппикъ противъ цивилизаціи и его любви къ дѣвственной природѣ.

Погоня „за призракомъ свободы“, совершенно не характерная для Шатобріана, могла возникнуть подъ воздействием мощнаго генія Байрона, какъ и свободолюбиваго Андрея Шенье, къ которому Пушкинъ всегда относился съ сочувствіемъ. Не говоря уже о томъ, что разительное совпаденіе мотивовъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ лирическими произведеніями того-же времени („Погасло дневное свѣтило“ и др.) говоритъ въ пользу мнѣнія, что „Кавказскій Плѣнникъ“ явился въ значительной мѣрѣ лишь образнымъ выраженіемъ душевныхъ переживаній самого поэта²⁾.

1) В. Сиповскій, *op. cit.*, 516.

2) „Можно-бы подыскать ко многимъ, важнѣйшимъ по выраженію основной мысли стихамъ „Кавказскаго Плѣнника“ соответственныя мѣста въ предшествовавшей лирикѣ Пушкина, между прочимъ — уже лицейскаго періода, и изъ этого ясно, насколько скорбь, характеризующая плѣнника, была выношена въ душѣ его поэта. Послѣ того внѣшнія сходства съ произведеніями иностранныхъ литературъ, какія можно открыть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повѣствованія и обрисовки героя поэмы, не имѣютъ первостепеннаго значенія для уясненія ея генезиса“ (Н. П. Дашкевичъ, *op. cit.*, 82).

Точки прикосновения между Алеко и Ренэ, отмѣчаемыя авторомъ, вращаются въ плоскости тѣхъ общихъ мѣстъ—шаблоновъ, которыми изобиловала сентиментально-романтическая школа. Героини Шатобриана, по словамъ графа Де-ла-Барта, посвятившаго изслѣдованію о Шатобрианѣ обстоятельный трудъ, — „внучки Элоизъ, Климентинъ и Клариссъ, сестры „чувствительныхъ“ героинь романовъ г-жи Флао, г-жи Коттэнъ, г-жи Жанлиссъ и др. Онѣ „страдательны“, обречены на „томленіе“ и сердечныя терзанія“¹⁾. Если сентиментальное изображеніе женщинъ положило свой отпечатокъ и на образъ Татьяны, прославляемой обыкновенно, какъ идеаль русскою дѣвушкой, то отраженіе этихъ чертъ можно видѣть и въ обрисовкѣ Черкешенки; но нельзя относить эти общія черты сентиментально-романтическихъ героинь на долю вліянія героинь Шатобриана, которыя, при болѣе тщательномъ анализѣ, во многомъ отличаются отъ героинь Пушкина. Укажу хотя-бы на то, что отличительной чертой Аталы является борьба между страстью и угрызениями совѣсти, въ то время, какъ Черкешенка не переживаетъ ничего подобнаго, не говоря уже о тенденціи, заложенной здѣсь, которую г. Сиповскій такъ незаконно устраняетъ. В. В. Сиповскій находитъ сходство въ самомъ художественномъ замыслѣ „Цыганъ“ и „Ренэ“; въ томъ, что и Пушкинъ, и Шатобрианъ сознательно развѣнчиваютъ своихъ героевъ, наказывая ихъ за пустоту души²⁾. Но это „развѣнчиваніе“ истекаетъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. У Пушкина оно художественно вѣрно, оно является результатомъ его гуманно-объектив-

1) Де-ла-Бартъ. „Шатобрианъ и поэтика міровой скорби во Франціи нач. XIX ст.“, стр. 302.

2) Замѣчу кстати, что въ этомъ мѣстѣ г. Сиповскій ошибочно приписываетъ Шапгазу отвѣдь Ренэ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эту отвѣдь провозносятъ отецъ Суэль (В. В. Сиповскій, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“, стр. 31).

наго творчества; у Шатобріана оно результатъ тенденціознаго желанія возвеличить христіанство, показать его силу въ борьбѣ со страстями. При этомъ чувствуется нарушение художественнаго замысла, чувствуется, что писатель въ глубинѣ души гордится своимъ героемъ и оправдываетъ его.

Переходя къ вопросу о сходствѣ сюжетовъ, В. В. Сиповскій приходитъ къ заключенію, что Шатобріанъ далъ Пушкину интригу для обѣихъ поэмъ. Такъ, говоря о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, авторъ отмѣчаетъ, что „интрига развивается совершенно параллельно съ той, которая положена въ основу повѣсти „Атала“. Герой въ плѣну, онъ закованъ и не можетъ спастись бѣгствомъ... Въ него влюбляется дикарка, освобождаетъ его, *но онъ, какъ Ренэ, остается холоденъ къ любви дьвушки и открываетъ ей, что сердце его занято.* Развязка также довольно схожа въ обоихъ произведеніяхъ: герои остаются въ живыхъ, героини погибаютъ“¹⁾. Здѣсь я принужденъ изложить кратко сюжетъ „Атала“, чтобы выяснитъ вкравшуюся неточность въ изложеніе В. В. Сиповскаго. Дѣйствительно: герой въ плѣну, онъ закованъ и не можетъ спастись бѣгствомъ... Въ него влюбляется дикарка, освобождаетъ его. Но дальше интрига идетъ совершенно инымъ путемъ: *герой влюбляется въ свою освободительницу, молить ее бѣжать съ нимъ, но она, подъ вліяніемъ сложнаго чувства борьбы любви съ христіанскимъ домомъ, отказывается. Но когда ей приходится выбирать между смертью любимаго человека и домомъ, она бѣжитъ съ нимъ.* Развязка кончается, правда, смертью героини, но не подъ вліяніемъ холодности любимаго человека, какъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, а подъ вліяніемъ безсилія бороться съ нахлынувшей страстью, благодаря чему она предпочла смерть нарушенію обѣта дѣвствен-

1) Сиповскій, *op. cit.*, стр. 516.

ности, даннаго матери. Въ результатѣ этого сравненія намъ хотѣлось-бы уяснить себѣ, какимъ образомъ въ содержаніе повѣсти „Атала“, въ изложеніи В. В. Сиповскаго, вошло слѣдующее мѣсто: „но онъ (Кавказскій Плѣнникъ. А. Б.), какъ Ренэ, остается холоденъ къ любви дѣвушки и открываетъ ей, что сердце его занято...“¹⁾ Вѣдь, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто какъ разъ противоположное. Почему выше авторъ вполне вѣрно излагаетъ то-же содержаніе, говоря, что „Атала влюбляется въ плѣнника, появляется къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно ходитъ тайкомъ къ юношѣ и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви... Потомъ она освобождаетъ юнаго плѣнника и умираетъ въ борьбѣ со своей любовью, умираетъ просвѣтленная, самоотверженная...“²⁾. Разгадку этому даетъ намъ самъ авторъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своей работы. Сравнивая характеры Ренэ и Кавказскаго Плѣнника, онъ говоритъ: „Ренэ бѣжитъ къ дикарямъ, но тоска, грусть слѣдуютъ за нимъ по пятамъ; его охлажденное сердце недолго наслаждалось радостями бытія въ дали отъ суеты мірской, — *теплая самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которая осталась на его родинѣ, и трогательная любовь Селуты его трогаетъ мало...*“³⁾. Отсюда видно, что дѣло идетъ вовсе не объ Атала, героинѣ повѣсти того-же названія, а о Селутѣ, героинѣ романа-эпопеи „Натчезы“. Ниже авторъ самъ подтверждаетъ это: „Селута, говоритъ онъ, отдавшая всю жизнь свою Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признанье, что сердце его занято думой о другой женщинѣ; она ведетъ несчастную жизнь и, наконецъ, потерявъ дорогого чело-

1) В. В. Сиповскій. „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“, С.-Пб., 1899, стр. 30.

2) *Op. cit.*, стр. 29—30.

3) *Op. cit.*, стр. 29.

вѣка, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку...“¹⁾).

Такимъ образомъ ясно, что В. В. Сиповскій *соединилъ* *въ одно сюжетъ двухъ различныхъ произведеній* и такъ, что получилась дѣйствительно „совершенная параллельность“ интриги: начало и конецъ взяты изъ повѣсти „Атала“, середина — изъ романа „Натчезы“. Правда, намъ могутъ возразить, что Пушкинъ могъ сознательно или безсознательно заимствовать интригу именно въ такомъ видѣ, — вѣдь важно, что она заимствована именно у Шатобриана. Пусть такъ, но тогда уже нельзя говорить о „совершенной параллельности“ въ развитіи интриги. Но дѣло осложняется еще однимъ обстоятельствомъ: *Пушкинъ не могъ знать содержанія романа „Натчезы“ въ періодъ написанія „Кавказскаго Пльнника“*, хотя „Натчезы“ и написаны между 1794 и 1798 г. (по изслѣдованію графа Де-ла-Барта): *онъ появился впервые только въ 1825 году.*

Такимъ образомъ, заимствованіе интриги изъ произведенія, нигдѣ не обнародованнаго, приходится отбросить. Остается только частичное совпаденіе, а именно — освобожденіе плѣнника влюбленной дикаркой и развязка, кончающаяся смертью героини. Но такое частичное совпаденіе, не объединенное совпаденіемъ художественнаго замысла обоихъ произведеній, даетъ слишкомъ мало данныхъ для утвержденія заимствованія. Остается сходство развязки; но мало ли можно найти произведеній, сходство которыхъ заключается въ томъ, что „герои остаются въ живыхъ, героини погибаютъ“. Болѣе вѣроятно, что какой-нибудь частный случай или рассказъ могъ дать основу поэмы, очень несложной по замыслу.

Существуетъ въ литературѣ утвержденіе, что внѣшнюю основу далъ рассказъ нѣкоего Нѣмцова, мастера

1) Ib., стр. 30.

придумывать различныя небылицы ¹⁾). Очень возможно, что такой рассказъ, соединенный съ личными воспомина- ніями „милыхъ сердцу дней“, далъ сюжетъ поэмы.

Еще менѣе данныхъ для утвержденія того, что Шато- брианъ далъ интригу для „Цыганъ“: нигдѣ у Шато- бриана не встрѣчается сходной интриги, если не считать сходствомъ то, что дѣйствіе развивается у него между тремя центральными фигурами, но это могло быть вы- звано тѣми-же мотивами, по которымъ еще Софокль на- шель необходимымъ ввести „третьяго актера“ для жи- вости дѣйствія.

Вообще, говоря о сюжетѣ „Цыганъ“, можетъ быть совершенно излишне искать заимствованій извнѣ. При- знаніе Пушкина въ эпилогѣ „Цыганъ“, что:

„За ихъ лѣнливыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями,
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ“;

свидѣтельство П. В. Анненкова, что въ 1822 г. Пушкинъ на нѣсколько дней пропалъ изъ Кишинева: онъ отпра- вился въ Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому та-бору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ долго жизнью ко- чевого племени ²⁾); записки А. О. Смирновой, утверждаю- щей, что Пушкинъ рассказывалъ „свои Wanderungen у цыганъ“ ³⁾, — даютъ право предполагать, что въ основу

1) П. И. Бартеневъ — „Русск. Архивъ“ 1866 г., ст. 1139.

2) П. В. Анненковъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 83.

3) Записки А. О. Смирновой, стр. 30.

поэмы положено личное воспоминаніе автора. Даже при болѣе разительныхъ примѣрахъ совпаденія сюжетовъ трудно бываетъ утверждать заимствованіе интриги у того или иного писателя, не имѣя никакихъ побочныхъ доказательствъ; особенно, если согласиться со взглядомъ акад. Александра Н. Веселовскаго, что каждая эпоха работаетъ надъ старыми образами, вкладывая только новое содержаніе¹⁾. Несложныя сами по себѣ интриги, легшія въ основу „Кавказскаго Пльнника“ и „Цыганъ“, могли создаться путемъ невольнаго припоминанія цѣлаго ряда сходныхъ мотивовъ, воспринятыхъ изъ книгъ и изъ жизни, въ созданіи которыхъ могло имѣть нѣкоторое значеніе и чтеніе Шатобріана, но о степени этого значенія, за неимѣніемъ свидѣтельствъ Пушкина, который скорѣе склоненъ былъ преувеличивать свое преклоненіе передъ литературными образцами, чѣмъ умалчивать о нихъ, даетъ право сомнѣваться въ правотѣ мнѣнія г. Сиповскаго. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, г. Сиповскій ссылается на рядъ упоминаній Пушкинымъ Шатобріана; но эти упоминанія почти всѣ относятся къ журнальнымъ статьямъ, гдѣ Пушкинъ, уже въ силу своего положенія, долженъ былъ отдать должное Шатобріану; но нигдѣ онъ не говоритъ о немъ съ тѣмъ восторгомъ, съ которымъ говорилъ одно время о Байронѣ. Письма, этотъ тайникъ души Пушкина, ни словомъ не упоминаютъ о Шатобріанѣ. Приходится обратиться къ запискамъ Смирновой, источнику не всегда достовѣрному, но и онѣ мало даютъ, тѣмъ болѣе, что относятся уже къ 30-мъ годамъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о вліяніи Шатобріана на Пушкина остается открытымъ, но мы, вѣроятно, не впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что то видное мѣсто, ко-

1) Александръ Веселовскій. О методахъ и задачахъ исторіи литературы — „Ж. М. Н. Пр.“ 1870 г.

торое ему отвелъ В. В. Сиповскій, едва-ли будетъ сохранено за нимъ, и если теперь почти всѣ изслѣдователи сходятся на формулѣ: не будь Байрона, — литературное наслѣдіе Пушкина было-бы инымъ, то по отношенію къ Шатобріану установится, вѣроятно, противоположная формула: не будь Шатобріана — наслѣдіе Пушкина осталось-бы тѣмъ-же.

А. Бемъ.

